

Неженская Арктика: сюжет о героине-полярнице в советской культуре 1920–1930-х годов

О. А. Скубач

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Новая концепция героизма, создававшаяся в советском мире в 1930-х гг., в значительной степени опиралась на арктическую тематику. Сюжеты, составляющие отечественный высокий арктический эпос, общеизвестны. Среди них нет однозначного нарратива о героине-полярнице, хотя в определенный период в советской культуре сформировался очевидный запрос на его появление, и даже предпринимались попытки его создать. Европейские женщины в советской Арктике появлялись с начала 1920-х гг. Как правило, это были жены, поддерживавшие своих мужей-исследователей и остававшиеся в их тени. В литературе, канонизирующей героев-полярников, эти женщины упоминаются нечасто, а редкие их истории заметно скроены по лекалу сюжетов о женах декабристов. Совсем другую историю о себе попыталась создать Нина Демме, «первая в мире женщина-полярница», как аттестовали ее советские СМИ. Демме стремилась не только конкурировать в мире Арктики с мужчинами на равных, но и доказать собственное, женское, превосходство. Легенды, тем не менее, не получилось; в статье рассматриваются причины провала канонизации советской полярницы.

Скубач О. А. Неженская Арктика: сюжет о героине-полярнице в советской культуре 1920–1930-х годов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 338–350.

Ключевые слова: советская Арктика, женщины-полярницы, героический канон, культурный миф, утопия, семейная модель в Арктике.

УДК 82.43 + 910.4

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-338-350

Контактная информация: Скубач Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия, helga-sk@mail.ru)

В начале 1920-х гг. западный мир переживал очередную трагедию в Арктике. В 1921 г. канадский промышленник и полярный исследователь Вильямур Стефанссон организовал и отправил на остров Врангеля, расположенный на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей, экспедицию в составе четырех человек. Экспедиция должна была оставаться на острове в течение года, колонизировать новую территорию и наладить там промысел. Остров Врангеля с момента открытия славился труднодоступностью, и на следующий год, вопреки планам, ни один корабль не смог подойти к нему. Когда, наконец, в августе 1923 г. спасательное судно пробилось к острову, члены его команды обнаружили в живых единственного участника канадской экспедиции – кухарку колонистов, эскимоску Аду Блэджек. Тяжелейшее впечатление, которое эта драма произвела как на полярное сообщество, так и на людей, далеких от Арктики, усугублялась страшными подробностями этой робинзонады: более пяти месяцев Блэджек провела на острове без припасов, в полном одиночестве, соседствуя с трупом умершего от цинги Лорна Найта, которого она не сумела похоронить (другие двое мужчин экспедиции пропали без вести, попытавшись добраться пешком до материка)¹. Еще одна деталь этой истории претендовала на роль трагического откровения: именно Стефанссон, вдохновитель и организатор экспедиции, незадолго до катастрофы выпустил сразу две книги, в которых попытался развеять представление о суровых, безжалостных для европейца условиях Арктики, и даже наметил новый, «северный курс» исторического развития западной цивилизации². Север, утверждал Стефанссон, «порождает мужчин безграничной силы и неуклонного стремления, способных и стремящихся господствовать над югом» (цит. по: [Франк, 2011]). Реальная Арктика в очередной раз легко опрокинула комплекс смыслов, который должен был стать – на новом этапе – идейным оправданием ее колонизации и «приручения», почти саркастично проде-

¹ Подробнее см.: *Niven J. Ada Blackjack: A True Story of Survival in the Arctic.* New York: Hyperion Books, 2003. 448 p.

² «The Friendly Arctic» (1921), «Northward course of Empire» (1922).

монстрировав превосходство туземного над цивилизованным европейским, и женского – над мужским.

В то время как Запад пытался усвоить этот жестокий урок, советский мир, мотивированный убежденностью в превосходстве собственной цивилизаторской модели, интерпретировал трагедию по-своему: не как предостережение, а как приглашение. Симметричным ответом на провал канадской колонии стало основание здесь же колонии советской³, причем обязательным, хотя и негласным, условием всех советских экспедиций на острове Врангеля в 1920–1930-х гг. стало присутствие в составе колонистов европейских (не туземных) женщин, а позднее и детей. Смысл такой политики вполне очевиден: там, где не справился западный «конкистадор», должны были легко освоиться не только советские мужчины, но и женщины, и дети, а Арктика, столь негостеприимная к представителям буржуазного мира, для носителей советских ценностей раскрывалась совсем с другой стороны. Иначе говоря, речь идет о том же самом историко-софском сюжете Стефанссона, только его исполнителями назначались другие культурные герои.

С точки зрения советской культурной ортодоксии тему «женщина в Арктике» надлежит рассматривать в контексте мифа об арктическом рае, который активно формировался в отечественной публицистике, литературе и киноискусстве 1930-х гг.⁴ Советская Арктика становилась «страной чудес» (В. Каверин) не в последнюю очередь потому, что должна была демонстрировать полное отсутствие социальных противоречий там, где обычно они бывали неизбежны: в изолированных и замкнутых коллективах зимовщиков. «Не страшны полярные метели, страшны полярные склоны», – так сформулировал этот принцип Б. Горбатов [1955, с. 117–118]. Гендерная идиллия разнополых советских полярников, актуализировавшая весь спектр общезначимых ассоциаций, начиная с библейских Адама

³ Остроты ситуации добавляло то обстоятельство, что о. Врангеля был спорной в геополитическом отношении территорией. Расположенный в непосредственной близости к берегам Чукотки, он, тем не менее, был открыт американскими мореплавателями, а попытки колонизации предпринимались только канадцами, Канада же в начале 1920-х сама была колонией Британской империи. Запутанный вопрос

с юридической принадлежностью острова удалось разрешить в конце 1920-х гг. определением арктических границ советских территориальных вод; закреплению острова за СССР очень поспособствовал успех его советской колонизации.

⁴ «Как Арктика, Полярный регион, так и Дальний Восток открываются в качестве мест для реализации утопий», – пишет С. Франк о советских травелогах 1930-х гг. [Франк, 2010, с. 200]. О советской Арктике как утопическом пространстве см. также: *McCannon J. Tabula Rasa in the North. The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture*. In: *The Landscape of Stalinism*. Ed. by E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle; London: University of Washington Press, 2003. P. 241–260.

и Евы в Эдемском саду, была призвана окончательно закрепить за Арктикой статус новой Утопии, обеспеченной советским мировосприятием. Эталонную версию соответствующего мифа предложил С. Герасимов в фильме «Семеро смелых» (1936), в котором героиня Т. Макаровой наравне с мужчинами преодолевала все трудности арктической зимовки, а в финале, с полного одобрения полярного братства, превращалась в возлюбленную главного героя – начальника станции, и оставалась с ним в Арктике на новый срок. Смысл советской кампании по привлечению женщин в Арктику в конце 1920 – 1930-х гг. заключался в попытке подтвердить реальностью этот сюжет, в качестве запроса сложившийся в культурном сознании задолго до фильма Герасимова.

На самом деле европейские женщины в Арктике появлялись и в досоветский, и в раннесоветский период, пусть и нечасто. Как правило, это были жены, поддерживавшие своих мужей-исследователей и остававшиеся в их тени. В литературе, канонизирующей героев-полярников, эти женщины упоминаются нечасто, а редкие их истории заметно скроены по лекалу сюжетов о женах декабристов. В 1929 г. тот же шаблон, скорее всего, за неимением пока другого, использует журналистка З. Рихтер, участница экспедиции, призванной эвакуировать первый состав колонии на острове Врангеля, – острове, который среди советских арктических локусов стал главным претендентом на роль новой Утопии. Рихтер описывает жену Г. А. Ушакова, основателя и первого начальника колонии (1926–1929):

Положение Зинаиды Афанасьевны Ушаковой было особенно тяжелое. Георгий Алексеевич постоянно находился в отъезде, на охоте, на обследовании, не показываясь по полтора месяца. Оставаясь одна, Зинаида Афанасьевна, или, как ее звали эскимосы, «Арнаха» (маленькая женщина), тревожилась о муже, боясь, что с ним что-нибудь случится. Зинаида Афанасьевна выходила Георгия Алексеевича, когда он был опасно болен и находился в бессознательном состоянии. Вряд ли Георгий Алексеевич выжил бы, если бы не самоотверженный, любовный уход Зинаиды Афанасьевны. Больному необходимы были ежедневно горячие ванны, и она после бессонной ночи у постели больного мужа целый день носила снег, чтобы сделать эту ванну. Поднявшись с постели, Георгий Алексеевич не узнал исхудавшей жены. Казалось, она сама перенесла тяжелую болезнь. Возвращаясь с охоты и обследования острова, Георгий Алексеевич находил тепло и уют, чистую постель, белье, вкусный обед, нежность заботливой жены. В жестоких полярных условиях все это было настоящим счастьем и давало силы для работы. Женственная, не подготовленная к жизни на полярном острове, Зинаида Афанасьевна все же сумела ко всему примениться, все вынести [Рихтер, 1931, с. 46-47].

Сам Г. А. Ушаков, однако, в своих воспоминаниях об острове Врангеля⁵, опубликованных, правда, поздно, в 1972 г., о жене не упоминает вовсе.

⁵ Ушаков Г. А. Остров метелей. Л.: Гидрометеиздат, 1972.

По-другому распорядился семейной информацией А. И. Минеев, следующий начальник колонии на острове (1929–1934). В отличие от трезвого практика Ушакова, Минеев, на момент своего назначения не имевший никакого полярного опыта, зато прошедший «одинадцатилетнюю партийную выучку и школу гражданской войны» [Минеев, 1936, с. 442], демонстрирует большую чуткость к идеологическим потребностям эпохи: он открывает свою книгу «Пять лет на острове Врангеля» крупными фото-портретами себя и своей жены, размещая их сразу после введения, представляющего собой оду Вождю. Власова, как автор называет жену, – настоящий боевой товарищ, «член ВКП(б) с 1918 г., также участник гражданской войны» [Там же, с. 10], – разумеется, принимает куда более активное участие в жизни колонии, чем жены предыдущих зимовщиков, однако не только это обстоятельство обеспечивает ей заметную роль в книге Минеева: «мысль семейная» вообще занимает важное место в размышлениях автора об освоении Арктики. «Арктика наша меняет свое лицо, как меняет его вся наша прекрасная родная страна, – рассуждает он. – Если не так давно в Арктику шли, как в страшную неизвестность, только храбрые одиночки, то теперь народ густо пошел в наши северные окраины. <...> ...уже находятся и такие желающие, которые выезжают целыми семьями и остаются там надолго» [Там же, с. 9]. Именно такой стратегический подход, по мнению автора, должен доказать всему миру, что «Арктика – прекрасный край. Остров Врангеля – прекрасный остров!» [Там же, с. 429].

Идея обеспечить расцвет полярных территорий, укрепив в их границах семейно-арктическую модель, конечно, принадлежала не только А. И. Минееву. Активным сторонником кампании по привлечению женщин в Арктику был О. Ю. Шмидт, в 1930–1932 гг. – директор Всесоюзного Арктического института, а с 1932 по 1938 г. – начальник Главного управления Северного морского пути⁶. Вероятно, именно Шмидт был ведущим инициатором создания постоянной колонии семейного типа на острове Врангеля. В драматическом рейсе «Челюскина» 1933–1934 гг. пятеро из десяти женщин, плывших на пароходе, и двое их детей были членами семей полярников, они направлялись на остров Врангеля для смены колонии А. И. Минеева. Шмидт был организатором Первого совещания семей полярников, которое состоялось в Главсевморпути в мае 1936 г.; журнал «Советская Арктика» посвятил сразу несколько номеров освещению итогов этого мероприятия⁷.

Иначе говоря, спрос на «семейную Арктику» в 1930-х был очень велик; отсюда и попытки обеспечить его соответствующим «предложением». По-

⁶ Подробнее о роли О. Ю. Шмидта в привлечении женщин в Арктику см.: *Ананьев А.* Женщины в Арктике // *Родина*. 2013. №5. С. 139–141.

⁷ Первое совещание семей полярников в Москве // *Советская Арктика*. 1936. № 6. С. 110–111; *Кауфман Р. Б.* На совещании жен полярников // *Советская Арктика*. 1936. № 7. С. 108–109.

нятен и культурный миф, стоящий за этой тенденцией. Главная интрига советского мира, на наш взгляд, заключается даже не в том, какие мифы он позиционирует, а в том, как, каким образом культурная мифология взаимодействует с реальностью, какие причудливые формы подчас приобретает то и другое в ходе этого взаимодействия. Кампания по освоению Арктики раскрывается как стремление метрополии делегировать периферии удобные для нее – для метрополии – смыслы. Однако Арктика – территория, обладающая большой степенью сопротивляемости культурному воздействию, поэтому попытки ее покорения подчас порождали удивительные сюжеты.

Случай Ады Блэкджек и то, что он символизировал – то, как легко Арктика способна обратить в ничто высокие культуртрегерские замыслы, – явно тревожил А. И. Минеева, не случайно он обращается к этой истории в своем тексте. Книга Минеева представляет собой, по сути, попытку заклинания Арктики: победный пафос покорителя здесь часто прямо противоречит фактам. В частности, семейный рай на острове Минееву точно не удалось создать: кроме самого начальника, несмотря на его угрозы, никто из колонистов не отважился взять в Заполярье жену. Утопический проект оказался под угрозой; свою тревогу по этому поводу руководитель экспедиции объясняет по-марксистски последовательно, – обнаруживая связь бытия и сознания:

В проектах организации зимовки предполагалось, что все зимовщики поедут на остров с семьями, на практике же получилось, что только я ехал с женой, остальные оставили свои семьи на материке. Когда выяснились все эти обстоятельства, я решил, что нужно как-то урегулировать дело питания. Я предполагал, что зимовщики, едущие на остров без семей, готовить горячую пищу не будут и скорее всего пойдут по линии наименьшего сопротивления – то-есть (орфография автора. – *О. С.*) станут питаться всухомятку. Этого следовало избегать, так как неорганизованность питания неизбежно привела бы к различным желудочно-кишечным заболеваниям, что в конечном итоге могло сказаться на психике зимовщиков. Мне, как начальнику острова, не особенно улыбалось иметь дело с полусумасшедшими зимовщиками. Поэтому я решил попытаться организовать коллективное питание на коммунальных основах [Минеев, 1936, с. 258–259].

По Минееву, «организовать коллективное питание на коммунальных основах» – значит взять повара, что и было сделано. Однако на этом пути начальника колонии подстерегала ровно та опасность, которой он так старался избежать: нанятый повар Петрик оказался душевнобольным, и на протяжении 2 лет, до эвакуации на самолете в 1932 г., буквально терроризировал остальных колонистов. Трудно не оценить иронию ситуации, поставившей Минеева в положение Эдипа, который, пытаясь избежать рокового предопределения, лишь приблизил встречу с ним. В роли античного фатума здесь выступает, конечно, сама Арктика: обострение психического заболевания Петрика спровоцировала полярная ночь. Другим стрессо-

вым фактором стал, несомненно, обмен гендерными ролями: мужчина Петрик был поставлен в традиционно женскую позицию, чтобы освободить от нее единственную женщину колонии – жену начальника острова, Власову. Неудивительно, что именно Власова стала главным объектом агрессии Петрика: «...мы опасались, что Петрик будет покушаться на Власову, как на единственную европейскую женщину, жившую на острове, – пишет Минеев. – Я предупредил всех зимовщиков, чтобы они никогда не пытались шутя напугать Власову. Она по близорукости могла принять “шутника” за сумасшедшего повара и, в целях самозащиты, подстрелить его» [Минеев, 1936, с. 272].

Концепция «семейной Арктики», казавшаяся самым легким и очевидным способом решения «женского вопроса» в полярных условиях, в реальности породила новые сложности, обусловленные, главным образом, неопределенностью гендерных ролей в новосозданных ситуациях. Арктическая документалистика, авторами которой являлись не писатели, не журналисты, т. е. не популяризаторы «большой культуры», а сами полярники, отчасти позволяет эти сложности увидеть. Примечательное отступление допускает даже О. Ю. Шмидт: выступая на уже упомянутом совещании семей полярников, после чествования женщин – участниц похода «Челюскина», он рассказывает о моменте прощания с ними, который превратился в форменную баталию:

Когда уже стало ясно, что Ляпидевский скоро будет у нас <...>, естественно, что мы составили список, начав его с женщин и детей, и вот тут-то женщины впервые за всю экспедицию проявили недисциплинированность. Они заявили, что не желают уезжать первыми. Тов. Лобза, член партии, старалась доказать, что женщина-партия должна быть везде наравне с мужчинами. Даже на дрейфующей льдине. Одна из женщин, Сушкина, наступала на меня, засучив рукава, и говорила, что она не слабее мужчин. <...> Когда женщины улетели на самолете Ляпидевского, мы с Копусовым и другими помощниками по экспедиции вздохнули с облегчением [Кауфман, 1936, с. 109].

Шмидт-полярник, – человек, не понаслышке знакомый с опасностью Арктики, – в этой ситуации противоречит Шмидту-идеологу: полярник принимает рациональное решение. Женщины оказываются идеологически последовательнее, и эта последовательность изрядно пугает.

Пожалуй, наиболее фрустрирующую историю о себе создала Нина Демме, стремившаяся не только конкурировать в мире Арктики с мужчинами на равных, но и доказать собственное – женское – превосходство. В 1930 г. она, следуя семейной модели, отправилась в свою первую зимовку в бухту Тихую (Земля Франца-Иосифа) вместе с мужем – начальником станции И. М. Ивановым, однако не столько в роли «верной спутницы», сколько в качестве самостоятельного ученого-биолога. Пусть небольшие, но отдельные фрагменты текста посвятили «первой женщине – исследова-

тельнице Арктики» [Муханов, 1932, с. 55] все журналисты, писавшие об этой экспедиции⁸. В 1932 г., оформив развод и тем самым окончательно выйдя за рамки паттерна «семейной Арктики», она получила новое назначение: Н. П. Демме на 2 года стала начальником станции на острове Домашнем. Домашний, входящий в состав Северной Земли – одного из самых труднодоступных архипелагов Арктики, – расположенный почти на 80° с. ш., гарантировал экстремальнейшие условия зимовки; вкупе с необычностью ситуации (одинокая молодая женщина – начальник трех мужчин) это обстоятельство явно свидетельствовало о потребности советского мира в громкой арктической легенде.

Итоги зимовки при всем желании нельзя назвать успешными: первым же штормом, последовавшим за высадкой, была смыта в море значительная часть припасов; надежную радиосвязь так и не удалось установить; научная программа не была выполнена; из 3-х подопечных Демме двое на момент эвакуации были тяжело больны, третий умер. Сам по себе провал миссии в советском мире не всегда становился поводом для отказа от героизации. Архетипический фундамент сталинской культуры позволяет хорошо ощущать амбивалентную связь, взаимообусловленность успеха и провала. Истинная победа скрывается за видимым поражением – это, пожалуй, главный сюжет соцреалистического искусства; он же угадывается, к примеру, в подтексте «челюскинской» кампании. Попытка создать героический миф о Демме, действительно, была предпринята, но лишь в 1936 г., два года спустя после окончания зимовки: тяжелое впечатление, которое произвели на полярное сообщество итоги экспедиции, было, видимо, слишком сильным. Дополнительным поводом героизации Демме стала, как представляется, премьера фильма «Семеро смелых», состоявшаяся в марте 1936 г. и актуализировавшая потребность культуры в персональном мифе о советской полярной героине.

Роль мифотворца взял на себя один из ведущих очеркистов 1930-х гг. В. Канторович. Очерк «Нина Демме» был опубликован в 10-м номере журнала «Новый мир» – одном из ведущих «толстых» журналов страны, а не в специализированном арктическом («Советская Арктика») или женском («Работница») издании, где писали о полярницах (в том числе и о Демме) прежде. Демме получила шанс попробовать себя в настоящей героической роли.

Путевку к славе Демме, однако, не получила, скорее наоборот: текст, который должен был стать открытием легенды, фактически снял сюжет о Демме с арктической повестки, главным образом, потому, что обескураживающая откровенность героини отнюдь не способствовала укреплению

⁸ Громов Б. Мы завоевываем Крайний Север // Смена. 1930. № 32 (ноябрь); Муханов Л. Первая полярница // Работница. 1930. № 42; Громов Б. Гибель Арктики. М.: ОГИЗ-Молодая гвардия, 1932; Муханов Л. В страну ледяного молчания. Архангельск: Северное изд-во, 1932.

идеи об арктической гендерной идиллии. Реплики Демме со всей очевидностью обнажили конфликт, заложенный в ситуации изначально:

В Арктику приезжают не на гастроли; все те же люди из года в год едут на Север. И там жизнь как жизнь, с ее радостями и печалью, с ее неизбежными передрыгами. «Его величество мужчина» возмущен: он не хочет, чтобы соседство женщины его «возбуждало». Но ведь она едет на Север за тем же, за чем и он, – работать. Кто смеет ей в этом отказать? [Канторович, 1936, с. 146].

Полярное сообщество, в том числе и советское, – это достаточно закрытая и эксклюзивная группа; часто репутация в мире полярников не совпадала с оценками в пространстве «большой культуры». Демме, однако, настроила против себя и арктический мир: она противопоставляет культурному мифу об арктическом рае не собственный реальный полярный опыт, что было бы вполне приемлемо с субкультурной полярной точки зрения, а другой миф, безусловно феминистский. Даже бескомпромиссные «новые женщины» революционной поры меркнут перед ее волей к самоутверждению; ближайший литературный аналог, пожалуй, – героини Ибсена. Арктика для нее – это только пространство самореализации:

Я чувствовала свою силу, здоровье. <...> Идеи свои я привыкла доказывать на деле, собственным примером. С «его величеством мужчиной» я тоже давно хотела померяться силами. Ну, мыслимо было мне, такой, какая я есть, отказаться от начальствования над полярной зимовкой? [Там же].

Идея, которую намерена доказать Демме «собственным примером», лежит далеко за рамками ортодоксального советского арктического мифа и за пределами убеждений профессиональных полярников: это идея о биологическом превосходстве женщины над мужчиной, которое наиболее заметно проявляется в экстремальных условиях. Будучи биологом, она с головокружительной дерзостью оперирует аналогиями из мира животных:

Псы – мастера сильного, но короткого напряжения. В дальней экскурсии суки вначале еле поспевают за ними. Но чем длиннее путь, тем отчетливее становятся преимущества сук. Длительное напряжение они выдерживают легче, в их организмах обмен происходит более регулярно. Сука тянет упорно, самозабвенно, даже ободрав лапы. Передовая сука (sic! – О. С.) лучше выбирает дорогу, бережется. Псовая упряжка мчит сани слепо, не считаясь с препятствиями. И быстрее выдыхается. В пургу псы ложатся в снег, ни за что их не поднимешь. Суки гибнут реже, чем псы [Там же].

Не приходится удивляться, что сообщество полярников подвергло Демме фактической обструкции; например, Б. Лавров, пилот разбившегося в 1934 г. в окрестностях Северной Земли самолета, выбравшийся к зимовке и проживший в компании Демме и ее товарищей 2,5 месяца в ожидании

эвакуации, в своих воспоминаниях ⁹ не упоминает ее вовсе. Менее сдержан летчик А. Алексеев, принимавший участие в эвакуации зимовки; его воспоминания об этом эпизоде приведены в очерке В. Канторовича:

В домике радиции Минович лежит без сознания, радист корчится от болей. Соловьев передал мои предложения (о скорейшем вылете. – О. С.). Он ожидал суеты, радости, наконец, быть может, слез. С изумлением видит: Демме усаживается за стол. Двое зимовщиков смотрят на нее с упованием. Демме говорит:

– Приказа вылетать нет, можно ли бросать станцию? Обсудим, уходить ли нам с Земли Северной.

Радист отвечает за обоих:

– Вот что, Нина, как ты решишь, так и будет. Остаешься ты – и мы с тобой. <...>

Соловьев смотрит, слушает: как будто на сцене играют. <...>

Соловьев вернулся на самолет, рассказал нам обо всем этом. Мы, признаться, обозлились. Ведь о самолете речь шла полгода, летел я на Землю Северную не самовольно, выполнял приказ. Рисковали собой, машиной. Зимовка была накануне трагических событий...

И теперь не понимаю, чем была вызвана эта прощальная сцена на радиции: закуска, что ли, романтическая такая у этой женщины? <...> Чувствуется крепкий, мужской характер. Но к чему был этот спектакль перед ликвидацией зимовки?

Противоречия, что ли, такие в человеке? [Канторович, 1936, с. 158].

В отличие от своих героев, Канторович, автор очерка, конечно, не полярник; идеологическая задача текста о Демме очевидна, однако и в его интонации преобладают все те же растерянность и раздражение, и даже, пожалуй, испуг. «Дневники надо было вернуть их автору. Это давало повод для новой, быть может, особенно откровенной и, следовательно, интересной беседы с Ниной Демме, – завершает он свой рассказ. – Я не воспользовался этим благоприятным случаем...» [Там же, с. 158].

Сюжеты, составляющие советский высокий арктический эпос, общеизвестны: героический поход ледокола «Красин», трагедия «Челюскина» и героическое спасение участников экспедиции, трансарктические перелеты В. П. Чкалова и М. М. Громова, вновь героический – дрейф «папанинцев». Среди этих хрестоматийных сюжетов так и не сложился полноценный нарратив о героине-полярнице, хотя в определенный период в культуре сформировался очевидный запрос на его появление, и даже предпринимались попытки его создать. Причина этого, на наш взгляд, заключается в зазоре, дистанции между культурным мифом и его реализацией. Опыт советской кампании по привлечению женщин в Арктику дал неожиданные результаты: советский мир был явно не готов ни к тем конфликтам и сложностям, которые порождало присутствие женщин в при-

⁹ Лавров Б. По непроторенным дорогам // Новый мир. 1935. № 1. С. 179–210.

вычно мужском пространстве Заполярья, ни к чрезмерному энтузиазму некоторых из них. Во второй половине 1930-х гг. сталинская культура, после радикальных гендерных экспериментов послереволюционного периода, вернулась к более традиционной модели взаимоотношений полов, и вопрос о полярной героине исчез из повестки дня. Разумеется, все женщины не покинули Арктику разом; инерция культуры еще некоторое время – в виде, например, публикаций – заставляла возвращаться к этому вопросу. Не ушла и потребность видеть в Арктике Утопию, однако изменилась рецептура северного Рая: в культуре предвоенного периода возобладало представление о полярных территориях как о месте чистоты, испытания и аскезы трудом и воздержанием в условиях мужского братства и товарищества. Тему, пожалуй, окончательно закрыл Б. Горбатов: в рассказе «Мы и радист Вовнич» из цикла «Обыкновенная Арктика» (1940) он поведал щемящую историю симпатии, дружбы и любви, историю, связанную с «простой, хорошей советской девушкой» [Горбатов, 1955, с. 131–132], которая, однако, одним своим появлением разрушает абсолютную гармонию «мужского монастыря на Тихом мысе» – зимовки, «дружнее которой не было» «на всем Северном морском пути» [Там же, с. 117]. Вывод, которого избегает автор, тем не менее, вполне прозрачен: недостойной женщине нечего делать в Арктике. Достойной – тем более.

Список литературы

- Горбатов Б.* Мы и радист Вовнич // Горбатов Б. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2: Рассказы и повести. С. 117–149.
- Канторович В.* Нина Демме // Новый мир. 1936. № 10. С. 144–159.
- Кауфман Р. Б.* На совещании жен полярников // Советская Арктика. 1936. № 7. С. 108–109.
- Минеев А. И.* Пять лет на острове Врангеля. Л.: Молодая гвардия, 1936. 444 с.
- Муханов Л.* В страну ледяного молчания. Архангельск: Северное изд-во, 1932. 180 с.
- Рихтер З.* На «Литке» к острову Врангеля. Записки участника спасательной экспедиции. М.: ОГИЗ-Молодая гвардия, 1931. 88 с.
- Франк С.* Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: НЛЮ, 2010. С. 180–211.
- Франк С.* Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // НЛЮ. 2011. № 2 (108). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/2/teplaya-arktika-k-istorii-odnogo-starogo-literaturnogo-motiva.html> (дата обращения 29.03.2020).

Article metadata

Title: Not Female Arctic: The Plot of the Polar Heroine in Soviet Culture of the 1920–1930s

Author: O. A. Skubach

Author's e-mail: helga-sk@mail.ru

Author's affiliation: Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

Abstract. The new concept of heroism, created in the Soviet world in the 1930s, relied heavily on Arctic theme. The plots that make up the domestic Arctic epos are well known. There isn't full-fledged narrative about the polar heroine among them, although a request for its appearance was formed at a certain period in Soviet culture, and even attempts to create it were made. This lacuna deserves to attract the research interest. The Arctic discourse of the 1920–1930s, largely anticipated the space theme of the 1960s; the absence in the pantheon of the Soviet conquerors of the Arctic "polar Tereshkova" has a certain meaning.

In fact, European women in the Soviet Arctic appeared from the beginning of the 1920s. As a rule, these were wives who supported their husbands-explorers and remained in their shadow. In the literature canonizing polar heroes these women are not often mentioned, and their rare stories are noticeably tailored to the plot of the wives of the Decembrists. Nina Demme, "the world's first woman – polar explorer", as Soviet media called her, tried to create a completely different story about herself. Demme sought not only to compete with men on an equal footing in the Arctic world, but also to prove her own – female – superiority. However, the legend did not work out. The article discusses the attempt to canonize the woman – polar explorer and the reasons for its failure.

Key terms: Soviet Arctic, women – polar explorers, heroic canon, cultural myth, utopia, family model in the Arctic.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-338-350

Reference literature (in transliteration):

Frank S. Russkie travelogi sere diny 1930-kh godov [Russian travelogues of the middle 1930s]. In: Beglye v zglyady: Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoy treti XX veka [Quick Looks: A New Reading of Russian Travelogues in the first third of the XX century]. Moscow, New Literary Review, 2010, p. 180–211. (in Russ.)

Frank S. Teplaya Arktika: k istorii odnogo starogo literaturnogo motiva [Warm Arctic: the Story of an Old Literary Motive]. *New Literary Review*, 2011, no. 2 (108). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/2/teplaya-arktika-k-istorii-odnogo-starogo-literaturnogo-motiva.html> (accessed 29.03.2020). (in Russ.)

Gorbatov B. My i radist Vovnich [We and the Radio Operator Vovnich]. In: Gorbatov B. Collected Works. In 5 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo

khudozhestvennoy literatury, 1955, vol. 2: Stories and Tales, p. 117–149. (in Russ.)

Kantorovich V. Nina Demme. *New World*, 1936, no. 10, p. 144–159. (in Russ.)

Kaufman R. B. Na soveshchanii zhen polyarnikov [At the Conference of the Polar Explorers' Wives]. *Soviet Arctic*, 1936, no. 7, p. 108–109. (in Russ.)

Mineev A. I. Pyat' let na ostrove Vrangelya [Five years on Wrangel Island]. Leningrad, 1936, 444 p. (in Russ.)

Mukhanov L. V stranu ledyanogo molchaniya [To the Country of Icy Silence]. Arkhangelsk, 1932, 180 p. (in Russ.)

Rikhter Z. Na «Litke» k ostrovu Vrangelya. Zapiski uchastnika spasetel'noy ekspeditsii [On “Litke” to Wrangel Island. Notes of the Rescue Expedition participant]. Moscow, 1931, 88 p. (in Russ.)